

Who is John Galt?¹

Сергей Голубицкий

Крест — это символ пытки.
Я предпочитаю знак доллара —
символ свободной торговли
и свободного разума.

Айн Рэнд

Название нашего эссе позаимствовано из романа «Атлант расправил плечи» американской писательницы Айн Рэнд. Книжка не шуточная — превышает по объему «Войну и мир» ровно в полтора раза. Первую тысячу страниц различные персонажи в различных обстоятельствах постоянно спрашивают друг друга: «Кто такой Джон Голт?» И недоуменно пожимают плечами. За пятьдесят страниц до окончания Джон Голт все-таки материализуется и тут же становится главным героем. Что касается сюжета, то он напоминает развитие производственной темы в книжках социалистического реализма. Со знаком минус.

«**Ч**то за чепуха?! — возмутится читатель. — Какой-то Голт, Атлант... Да и Рэнд эта — откуда взялась?» Когда три года назад я впервые услышал это имя, то подумал точно так же. Тем более что услышал его в невероятном контексте: Библиотека Конгресса США провела обширный социологический опрос, пытаясь определить, какая книга оказывает самое глубокое влияние на американцев. Первое место, разумеется, заняла Библия, а вот второе... «Атлант расправил плечи»! Глазам своим не поверил. Что же это делается?! Вроде бы дипломированный филолог, да чего уж там — кандидат наук, и специализация подходящая — современная романная поэтика, а ни о какой Айн Рэнд за сорок лет жизни слухом не слыхивал. Что за наваждение?

Дальше — больше: узнаю, что Айн Рэнд, оказывается, не просто американская, а русская американская писательница! На сайте Рунета, посвященном творчеству и пропаганде ее идей (www.aynrand.ru), так и сказано: «Атлант расправил плечи» («Atlas Shrugged») — роман нашей великой соотечественницы Эйн Рэнд (Ayn Rand), эмигрировавшей в США в середине 20-х годов».

Стал расспрашивать подряд своих американских друзей и приятелей: так оно и есть! Во-первых, практически все не только слышали о Рэнд, но и зачитывались ее книгами; во-вторых, все знают, что это «Russian Writer».

Чем больше я углублялся в биографию и творчество Рэнд, тем удивительней становились открытия. Ежегодно в мире ее книги издаются тиражом более полумиллиона экземпляров. Всего набежало 25 миллионов! Свой первый бестселлер (роман «Источник») Рэнд опубликовала в 1943 году. «Атлант» вышел в 1957-м. Казалось бы: пора успокоиться и забыть. Куда там!

Интерес к книгам Рэнд с тех пор не только не угасает, но и усиливается чуть ли не в геометрической прогрессии.

Однако какими бы впечатляющими ни казались эти цифры, они не в силах передать меру влияния, которое оказывает Рэнд на наших современников. Ладно бы — речь шла о рядовых читателях: неведомых студентах, домохозяйках и безобидных интеллигентах. Так нет же: на книгах Рэнд воспитывается уже третье поколение деловой и политической элиты. Достаточно сказать, что Алан Гринспен, бессменный (с 1987 года) председатель Федеральной Резервной Системы США, человек, задающий тон в финансово-экономической жизни страны (а, может, и всего мира), по единодушному мнению, считающийся второй самой влиятельной фигурой в государстве (после хозяина Белого Дома), долгие годы был членом «Коллектива» — кружка Айн Рэнд, ее последовательным учеником и почитателем. Для Хиллари Клинтон Рэнд — пример для подражания. Сегодня даже Джордж Буш-младший выстраивает свою внешнюю политику в полном соответствии с идеями загадочной литераторши. Не верите? Тогда как вам такой пассаж из интервью, которое Айн Рэнд дала журналу «Плейбой» в 1964 году?

«Плейбой»: Вы сказали, что сегодня любая свободная нация имеет моральное право, если не обязательство, напасть на Советскую Россию, Кубу или любой другой «рабский загон для скота». Это так?

Айн Рэнд: Совершенно верно. Тоталитарное государство, нарушающее права своих граждан, находится вне закона и не смеет заявлять о собственных правах.

Сразу видно, что Милошевич и Саддам мало времени уделяли современной американской литературе. Нам же остается согласиться с журналом «Ньюзуик», давшим

меткое определение беспрецедентного влияния Айн Рэнд на общественно-политическое поле страны: «Она — повсюду».

Похоже, однако, что одной Америкой дело не закончится. 25 апреля 2000 года на презентации русского перевода «Атланта» экономический советник Президента РФ Андрей Илларионов заявил, что Айн Рэнд, «один из крупнейших писателей XX века и один из крупнейших философов XX века», является его кумиром. На вопрос журналиста: «А вы Владимира Путина познакомили? Или, может быть, он уже знаком с этой книгой («Атлант расправил плечи» — С. Г.)?», Илларионов ответил: «Книжка стояла в личной библиотеке Президента Российской Федерации еще до того момента, как я оказался советником Президента».

Наконец, кульминация: узнаю, что группа влиятельных почитателей творчества Айн Рэнд ведет активное лоббирование Думы и властных структур на предмет включения книг «нашей великой соотечественницы» в обязательную программу средней школы. Полагаю, читатель достаточно заинтригован, чтобы, наконец, разобратся: кто же такой этот Джон Голт? А заодно — и Айн Рэнд.

Русский Дао

Вы жметесь к ближнему,
и для этого есть у вас прекрасные слова.
Но я говорю вам: ваша любовь к ближнему
есть ваша дурная любовь к самим себе.

Фридрих Ницше

Айн Рэнд попала в Америку в возрасте 21 года вполне сформировавшейся девушкой, поэтому разумно предположить, что основополагающие идеи своего творчества она черпала из кладовой знаний и жизненного опыта, накопленных на номинальной родине. Тем более удивительно, что в бес-

¹ Кто такой Джон Голт? (Англ.)

численных официальных и неофициальных биографиях российская страница Рэнд, как правило, излагается в трех фразах: родилась в Петербурге, решительно отвергла революцию, эмигрировала в США. За кадром при этом остаются прелюбопытнейшие события.

Зиновий Захарович Розенбаум, родом из убогого штеттла Брест-Литовск, так прорвался сквозь черту оседлости, удачно женившись на столичной красавице Анне Борисовне Каплан, уроженке Санкт-Петербурга. Зиновий Захарович много и упорно трудился в фармацевтическом бизнесе и в 1912 году стал собственником перспективной аптеки на Знаменской площади в конце Невского проспекта.

В этой замечательной семье и появилась на свет 20 января 1905 года будущая величайшая американская писательница Айн Рэнд, по метрике — Алиса Зиновьевна Розенбаум. Легенда гласит, что в шесть лет Алиса самостоятельно научилась читать, а в девять уже твердо решила стать профессиональным литератором.

Февральскую революцию Алиса встретила с раскрытым сердцем. А вот Октябрьскую, по собственному признанию, не приняла. Сложно говорить об осознанном восприятии действительности двенадцатилетним подростком, хотя объективные предпосылки для вышеозначенной оценки были: в Феврале довольно абстрактно лиши-

ли привилегий царя, а в Октябре вполне конкретно у Зиновия Захаровича отобрали аптеку — как говорится, две большие разницы. После конфискации Розенбаумы попались в бега, стоит ли удивляться, что дискомфорт кочевой жизни оставил неизгладимый отпечаток на политических воззрениях юной Алисы?

Осенью 1918 года Зиновий Захарович понял, что аптеку вернуть не получится, махнул рукой и вывез семью на Украину. Еще через полгода Розенбаумы подались в Крым. Продвинутые биографы Рэнд любят на основании крымского исхода проводить параллель с семьей Набокова, тем более что Алиса училась в Санкт-Петербурге в женской гимназии вместе с Ольгой Набоковой, сестрой писателя. Как пишет Александр Эткинд: «Набоковы сумели, продавая по пути драгоценности, вырваться в Англию, а вполне обнищавшим Розенбаумам пришлось вернуться в Петроград». Гипотеза, мягко говоря, вздорная. Дело даже не в драгоценностях (хорош был бы коммерсант Зиновий Захарович, ежели не приберег про черный день пару-тройку золотых кулонов в пузырьках из-под микстуры!), а в оценке исторических перемен. Для Набоковых власть большевиков была властью абсолютно инородной и чуждой, тогда как у Розенбаумов были все основания воспринимать ее как кровную и близкую. Потому-то Набоковы углыли на корабле, а

▲ «Мир, которого ты так желаешь, может быть завоеван, он существует, он реален, он возможен, он твой. Но для того, чтобы его завоевать, требуется полная концентрация», — завещала Айн Рэнд.

семья Алисы на долгие годы осела в Евпатории, благополучно пересидев дисконформт гражданской войны.

Пока Алиса, внутренне негодуя на Советскую власть за отчуждение семейной собственности, безмятежно довершала среднее образование в евпаторийской школе № 4, другая пламенная девушка Розалия Самойловна Землячка-Залкинд отлавливала по всему Крыму недобитых белых офицеров, коих собственноручно и расстреливала в затылок. Рука об руку с интернационалистом Белой Куном и чекистом Фельдманом Землячка ликвидировала около 100 тысяч человек, за что и получила весной 1921 года Орден Красного Знамени. Аккурат в это же время Алиса Розенбаум получила аттестат, и ее репрессированная семья решила: пора ехать. Куда? Разумеется, назад, в Петроград!

24 августа 1921 года Алиса поступила в Петроградский государственный университет. В том же году она впервые познакомилась с книжками Фридриха Ницше, чье влияние на свое творчество, заметное даже небооруженным взглядом, всегда темпераментно отрицала.

Идеи великого немецкого философа вызвали в неокрепшей душе Алисы ту болезненную дихотомию, от которой ей так и не удалось избавиться до самой смерти. С одной стороны, юная студентка ПГУ ненавидела (до зубной боли и истерии!) большевиков за их «низкое» безродное происхождение, преклонение перед тупыми народными массами и презрение к человеческой личности. С другой, она тайно испытывала восхищение перед *Übermenschen*² замашками революционных героев, особенно рельефно проявившимися в «подвигах» доблестной ВЧК, затем ГПУ. Все это неизбежно отлилось в некое сексуально-фрейдистское месиво, из которого затем появились на свет творчество Айн Рэнд и лежащая в его фундаменте философская теория объективизма (термин придумала сама писательница). Эти переживания почти буквально легли в основу первого романа Рэнд «Мы, живые» (*We The Living*, 1936): история любви юной дворянки (*sic!*) Киры Аргуновой (надо так понимать, прототип самой Алисы) к Льву Коваленскому, сыну расстрелянного царского адмирала, и Андрею Таганову, следователю ГПУ (*sic!*).

Всю американскую жизнь Айн Рэнд тщательно загоняла в подсознание обратную

сторону своей катулловой («*odi et amo*»³) дихотомии — восторженное преклонение перед необузданной брутальностью большевизма. При этом она всячески подчеркивала свое категорическое неприятие большевистского коллективизма и небрежения правами личности. В этом, кстати, кроется причина, по которой имя Айн Рэнд всегда находилось под строжайшим запретом в Советском Союзе. Еще бы: ведь самая большевистская (по ментальности и манерам) общественная деятельница Америки номинально числилась страшной антикоммунисткой и злейшим врагом Советской власти!

Теперь наиболее интересное: само по себе двойственное восприятие большевизма Алисой Розенбаум явилось общим местом для тех, кто подсознательно ощущал внутреннюю близость к корням революции, однако по той или иной причине был этой революцией отторгнут либо не нашел в ней места. Поразительно другое: форма, в которой состояло «снятие» этого противоречия в душе будущей бардессы «капитализма без границ»⁴. Двадцатилетняя выпускница Петроградского государственного университета четко сформулировала для себя главного врага и свято пронесла его образ до конца жизни. Его атрибуты:

- ▶ коллективизм,
- ▶ альтруизм,
- ▶ мистицизм.

И хотя Айн Рэнд всегда утверждала, что борется с большевизмом, не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы догадаться: речь идет о христианстве. Именно в христианстве наиболее выразительно переплелись идея самопожертвования (=альтруизм), общинность (=коллективизм) и вера в чудесное (=мистицизм). Все, что написала Айн Рэнд в своей жизни, каждая строчка ее художественных книг, политических памфлетов и популяризаторско-философских очерков пропитаны безграничной (поистине большевистской!) ненавистью именно к христианству, а уж затем, подспудно, к коммунизму, тоталитаризму и прочим «измам».

После окончания факультета социальной педагогики Алиса Розенбаум поступила на сценарные курсы при Институте театра, музыки и кинематографии (ЛГИТМиК, 15 октября 1924 года) и одновременно глубоко задумалась об отъезде. Пишет Александр Эткинд: «В 1926 году она подала документы на выездную визу, и ей повезло. Через Ригу она добралась до Нью-Йорка. Ей двадцать один год. Мать и отец Алисы остались в отказе. Они умрут в Питере во время блокады». Ни в каком «отказе» Зиновий Захарович и Анна Борисовна, конечно же, не остались. Как не остались в «отказе» и две младшие сестры Алисы: Наталья

и Элеонора. Просто Розенбаумы об эмиграции даже не помышляли: бывший аптекарь, в отличие от своей старшей дочери, не бредил дворянским происхождением и потому искренне полагал, что Советская власть — его родная власть и лишь она способна защитить его от царских погромов и белогвардейской ненависти. Сама же Алиса свои подлинные намерения держала в строжайшем секрете: визу ей дали не для смены ПМЖ, а лишь для краткосрочной поездки с целью навестить родственников по материнской линии — Портных.

Twelve Lashes⁵

Взгляните на нашу страну. Это самая благородная страна в истории человечества. Страна величайших достижений, величайшего процветания, величайшей свободы.

И эта страна возникла не на бескорыстном служении, не на жертвенности, не на самоотдаче и не на альтруизме.

Эта страна возникла на праве человека добиваться счастья. Собственного счастья. Своего, и ничего другого. Частная, личная, эгоистичная мотивация. А каковы результаты!

Айн Рэнд

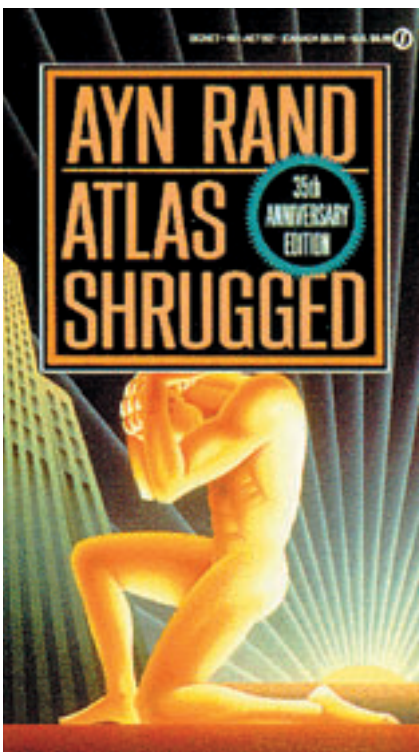
Уже поднимаясь в порту Гавра на борт океанского лайнера «Де Грасс», Алиса знала наверняка: обратного пути не будет. Она никогда не вернется из Америки в царство красного христианского Хама. Между тем, задача была не из легких: валюты в кармане — с гулькин нос, знание языка — ноль (забавно, что до конца жизни Айн Рэнд говорила по-английски с жутким акцентом), виза всего на полгода, а эмигрантская квота США исчерпана на семь лет вперед. Алиса решила: если не удастся зацепиться, она уедет в Мексику или Канаду, где будет терпеливо дожидаться своего часа. Наивный совет Портных — плюнуть на формальности и жить себе спокойно без визы, как поступают остальные, — Алиса отвергла с негодованием и отнюдь не романтическим прагматизмом: «Я не собираюсь жить в Америке нелегально. Когда-нибудь я стану знаменитой, и это сразу же обнаружится».

Первым шагом на пути к завоеванию нового мира стала смена имен. Алиса Розенбаум сгорела в печи как шкурка царевны-лягушки, а на свет явилась божественная Айн Рэнд. Зачем она это сделала — непонятно. Официальная версия гласит, что Алиса беспокоилась о безопасности оставшихся в СССР родственников. Может быть и так, тогда почему вплоть до середины 60-х годов она утаивала настоящее имя от всех своих почитателей, сторонников и даже самых близких друзей? Утаивала бы и дальше, если бы не дорылись дотошные журналисты. Ну да бог с ними, с мотивами, главное, что псевдоним идеально соответствовал всем литературным персонажам будущей писательницы: они воинственные и благородны, подчеркнута нордического типа и дворянского происхождения — настоящие валькирии вагнеровского толка.

▼ Вот он, величайший труд всех времен и народов. «Атлант» вышел в 1957-м.

Казалось бы: пора успокоиться и забыть.

Куда там! Интерес к книгам Рэнд усиливается чуть ли не в геометрической прогрессии.

2 сверхчеловеческими (нем.).

3 Первая строка стихотворения: «Ненавижу и люблю. Отчего же, может быть, спросишь? И сам не знаю, Но чувствую это внутри сжигает меня» (лат.).

4 Laissez-Faire Capitalism — так Айн Рэнд определяла свою идеальную модель государственного устройства.

5 Двенадцать ударов хлыстом (англ.).

Впрочем, сравнение неудачное, поскольку Айн Рэнд немецких композиторов ненавидела — не только Вагнера, но и Моцарта с Бетховеном. Немецким философам тоже досталось: Иммануила Канта она определяла не иначе, как «первым хиппи в истории человечества».

С февраля по август Айн жила в Чикаго у Портных, азартно хлопоча о продлении визы, после чего отбыла на устройство судьбы в Голливуд. Фабрика Грез сразу же повернулась к юной невозвращенке правильным местом, не в пример легионам миловидных старлеток, чьи судьбы порушились на Сансет-бульваре. Это тем более невероятно, что никакая смена имен не могла устранить печальных изъянов внешности Айн: дефицит талии, неевклидовость конечностей, отсутствие бюста, подчеркнутое невротической худобой и истероидным характером, наконец, этот невозможный нос, доводивший до иступления многие поколения френологов-реакционернов. Оставались, правда, глаза. О эти глаза Айн Рэнд, о которых написано столько восторженных воспоминаний! Лев Рокуэлл, президент Института Свободного предпринимательства: «Это были глаза рептилии, способной убить своим взглядом». Барбара Бранден, соратница и биограф писательницы: «Темные глаза казались слишком большими для ее лица. Прикрытые темными ресницами, они излучали нечеловеческое напряжение мысли. Это были глаза существа, сотканного из могущества ясновидения».

Вот эти глаза и запали в душу знаменитому режиссеру Сесилию ДеМиллю, который уже на второй день (!) после приезда Айн в Голливуд, заметил девушку у ворот собственной студии. Сесиль пригласил Айн в автомобиль, отвел на съемочную площадку и через час предложил работу сначала статистки, а затем сотрудницы сценарного отдела.

Еще через три дня глаза Айн Рэнд прожгли сердце актера Фрэнка О'Коннора, за которого она через три года вышла замуж. Как счастливице удалось прожить в Америке два года, истекших с момента экспирации визы до бракосочетания, — еще одна пикантная загадка из разряда «ей повезло». Как бы там ни было, но 13 марта 1931 года она получила американский паспорт и натурализовалась.

В 1927 году студия ДеМилля закрылась, и Айн пришлось перебиваться на должностях официантки, продавщицы газетных подписок, а затем костюмерши на студии RKO Radio Pictures. Следующие шесть лет энергичного вращения в киношной обойме ушли на то, чтобы протолкнуть собственный сценарий. В 1932 году студия «Юниверсал» купила «Красную пешку» (Red Pawn) за полторы тысячи долларов (по сегодняшним деньгам — 18 тысяч). И хотя сценарий никогда не был запущен в производство, гонорара хватило на то, чтобы отказать от наемной работы и целиком посвятить себя профессиональной карьере

литератора. Разгуляться, правда, не получилось: с приходом Великой Депрессии карьера Фрэнка быстро сошла на нет, никогда больше не возродившись. До самой смерти в 1979 году он оставался в тени своей великой супруги, довольствуясь ролью управляющего семейным ранчо в Калифорнии и садовника-флориста.

В 1936 году Айн Рэнд написала первый роман — «Мы, живые». Ей опять повезло: книжку опубликовало видное издательство «Макмиллан». К сожалению, история любви русской дворянки Киры, перегруженная антитоталитарным пафосом, не нашла отклика в сердцах американского обывателя. По иронии судьбы книгой заинтересовались те, против кого она была направлена: в 1942 году, в самый разгар Второй мировой войны, роман «Мы, живые» экранизировали в фашистской Италии. Вышли сразу два фильма римской студии «Скалара» — «Мы, живые» и «Прощай, Кира».

О козлах

«Каждая политическая сила, стремящаяся поработить нацию, каждая реальная или потенциальная диктатура испытывает потребность в существовании меньшинства, из которого делают козла отпущения, на которого возлагают всю вину за неудачи нации и которого используют для оправдания своих диктаторских замыслов. В Советской России таким козлом отпущения была буржуазия, в нацистской Германии — еврейский народ, в Америке — бизнесмены».

Айн Рэнд

Свое следующее произведение — антиутопическую повесть «Гимн» (1938) со следами глубокого влияния Замятина и Хаксли Айн Рэнд решила издать в Англии. Увы, перемена места на результате не отразилась: творчество начинающей графоманки не задело струн и в сердцах интеллектуально-продвинутых жителей Альбиона.

Гениальность Айн Рэнд проявилась в выводах, которые она сделала из первых неудач: дело не в идеях, а форме! Ее новым соотечественникам было совершенно наплевать на события в чужой и непонятной России. Другое дело — сюжет американский. А мысли можно оставить без изменения. Именно такой правильной книгой и стал роман «Источник» (1943), принесший Рэнд безграничную славу.

Но каким же тернистым оказался путь к звездам! «Источник» отклонили один за другим 12 издательств! Впечатляет не столько единодушие книжных бизнесменов, сколько нечеловеческое упорство автора: это каким нужно обладать характером, чтобы 12 раз подряд проглотить обиду, утереться и постучать в следующую дверь? 12 ударов хлыстом — вот метафизический корень феноменального успеха и популярности Айн Рэнд. Они же — карт-бланш на последующие безумства. Согласитесь, публично подвергать остревенной критике Иммануила Канта, не прочитав при этом ни одного его произведе-

ния, — решиться на такое способен только человек, испытавший унижение двенадцати ударов!

Тринадцатое издательство, «Боббс-Меррилл», уже готово было присоединиться к 12 предыдущим и отправить «Источник» в мусорную корзину, однако тут легкостью Арчи Огден, молодой редактор, который, собственно, и рекомендовал книгу Рэнд к изданию. Он явился в кабинет директора и заявил: «Если это не та книга, что вам нужна, я не тот редактор, что вам нужен!» Пафос самопожертвования Огдена был столь романтичен, что директор усомнился в собственном литературном вкусе: «Может, и в самом деле я что-то не понимаю?» Книга вышла, и литературные критики тут же подвергли роман испепеляющему разному. Зато рядовые читатели вознесли «Источник» до небес. Тираж по тем временам был просто немыслимым: 100 тысяч экземпляров. Уже в конце 1943 года Голливуд за 50 тысяч долларов выкупил

права на экранизацию. Айн Рэнд могла больше не беспокоиться об обеспечении старости.

Удивительная закономерность: при жизни Айн Рэнд не было написано ни одной положительной рецензии на ее книги! Однако чем сильнее звучали обвинения в графомании, дилетантстве, невежестве и плагиате, тем лучше раскупались ее произведения.

После успеха «Источника» Айн Рэнд взялась за написание главного труда своей жизни — романа «Атлант расправил плечи». 3 миллиона 106 тысяч 261 знак — один к одному! На создание исполинской рукописи ушло 12 лет. Роман был опубликован 10 октября 1957 года и с тех пор прочно вошел в сокровищницу американской культуры.

Вопреки уничижительным рецензиям и неподъемному объему (1 168 страниц, набранных мелким шрифтом) читатели взахлеб упивались персонажами, сюжетом и, самое главное, объективизмом — самостоятельной философией писательницы. Повсеместно возникали кружки пламенных поклонников и пропагандистов идей Рэнд. Активисты «ближнего круга» (того самого «Коллектива») — Натаниэль и Барбара Бранден — учредили специальный институт (Nathaniel Branden Institute), спонсирующий от океана до океана курсы и лекции по объективизму. В конце 50-х в «Коллектив» попал и будущий финансовый гений Аме-

▲ Алан Гринспен долгие годы был членом «Коллектива» — кружка Айн Рэнд. А нынешний президент США выстраивает свою внешнюю политику в полном соответствии с идеями загадочной литераторши.

рики Алан Гринспен (он был женат на школьной подружке Барбары Бранден).

Потихоньку фигура Айн Рэнд стала подвергаться мифологизации и обретать культовые формы, что, впрочем, только способствовало росту ее популярности.

«А» и «\$» сидели на трубе

«Задача человеческого сознания — воспринимать реальность, а не создавать ее. Разум человека — его единственное орудие познания. А всегда А».

Айн Рэнд

«Либо новая мораль, основанная на рациональной личной выгоде, и как следствие — свобода, справедливость, прогресс и счастье человека на земле. Либо — старая мораль альтруизма, и как следствие — рабство, насилие, непрекращающийся террор и печи для жертвоприношений».

Айн Рэнд

Ошеломительный успех Айн Рэнд невозможно объяснить лишь удачно подобранным сюжетом книжек. Собака зарыта в «объективизме», который, по мнению советника Президента РФ Андрея Илларионова, ставит Рэнд в ряды величайших философов XX века. Думаю, стоит разобраться.

Начну с главной ошибки дипломированных философов, которые уперлись в неоригинальность «объективизма» Айн Рэнд. Академические круги просто не понимают, что вопрос оригинальности и приоритета — дело десятое и никого, кроме редакционного совета закрытых университетских сборников, не интересующее. Бессмысленно кивать на первородство Арис-

тотеля, Адама Смита и Джона Стюарта Милля, которых человек улицы никогда не читал и читать не собирается. Заслуга Рэнд в том, что она первой нарушила традицию и опустила философию до уровня понимания простых смертных, изложив на пальцах мудреные истины извечных вопросов. Вернее, она ничего никуда не опускала, поскольку ее собственный уровень философского мироощущения всегда находился за рамками академической традиции. Айн Рэнд — это не Заратустра, не понятый обывателями, а его духовный брат — канатный плясун, что срывал искренние аплодисменты базарной площади.

Питер Шварц, председатель правления Института Айн Рэнд, очень точно определил вклад своей патронессы в развитие американской цивилизации: «Айн Рэнд дает людям основополагающую философию жизни, философию, основанную на разуме. Эта философия учит каждого человека тому, что у него есть моральное право жить не ради других, а ради собственного счастья». Коротко и ясно.

Прелесть объективизма в том, что он легко объясняется на пальцах, легко усваивается и легко вписывается в бытовую мораль Америки. Положения объективизма прозрачны, как заповеди советского пионера:

► Разум — единственное орудие познания и единственное руководство к действию.

► Главная задача человека в жизни — добиваться личного счастья, не жертвуя собой ради других и не требуя жертв от окружающих.

► Капитализм — высшее достижение человечества, а свободное предпринимательство — основа всеобщего счастья и процветания.

► Единственная задача государства — обеспечение неприкосновенности частной собственности и прав индивида. Все остальное — узурпация власти.

► Религия, Бог, альтруизм, коллективизм, самопожертвование, беззаветное служение, мистицизм и интуиция — злейшие враги свободного человека, безнравственные препятствия на пути к светлому будущему и прогрессу.

► Главный двигатель прогресса — не писатели, не художники, не философы, не поэты, а бизнесмены. Они же величайшие страдальцы современной эпохи (см. цитату во врезке).

Объективизм настолько пришелся по душе американцам, что после смерти писательницы его пропагандой занялись помимо двух официальных конкурирующих учреждений — упомянутого выше Института Айн Рэнд, учрежденного духовным и материальным наследником Леонардом Пейкоффом (у писательницы детей не было), и Института Объективистских Исследований Дэвида Келли — тысячи кружков и обществ, как грибы повыскакивавших в каждом университетском кампусе.

Впрочем, слабость объективизма заключается в том, что американское национальное сознание — штука весьма специфическая, и посему не только неприятная, но и совершенно неприемлемая в других цивилизациях. Так что можно надеяться, объективизм не приживется ни в Европе, ни на Востоке, ни в России. Читатель может спать спокойно: его дети никогда не увидят Джона Голта в школьной программе!

Эпилог

За год до смерти Айн Рэнд выступила с речью на ежегодной конференции в Новом Орлеане, организованной Джеймсом Бланшаром, председателем Национального комитета за денежную реформу. Четыре тысячи видных предпринимателей, банкиров, финансовых консультантов, инвесторов, экономистов, управляющих паевыми фондами и фабрикантов, затаив дыхание, внимали каждому слову своего кумира. Айн Рэнд завершила выступление словами Джона Голта, героя романа «Атлант расправил плечи»: «Мир, которого ты так желаешь, может быть завоеван, он существует, он реален, он возможен, он твой. Но для того, чтобы его завоевать, требуется полная концентрация, полный разрыв с миром твоего прошлого, разрыв с доктриной о том, что человек — это жертвенное животное, которое существует для удовольствия окружающих. Сражайся за самоценность собственной личности. Сражайся за собственную гордость. Сражайся за сущность человека: его суверенное рациональное сознание».

Дрожащий старушечий голос, сбивающийся на фальцет и смазанный тяжелым акцентом, внезапно потонул в неистовых овациях аудитории, которая, сорвавшись со своих мест, со слезами на глазах самозабвенно выражала бесконечную признательность от имени самого угнетенного населения Америки. Вместе с ними плакал и Ницше. □